

Творческий портрет

ЛАТЫШСКАЯ сцена по праву гордится Янисом Осисом; она его родила, воспитала, вывела в люди. Янис Осис — актер национального своеобразия, народной самобытности. Вместе с тем Янис Осис — один из выдающихся мастеров всего советского искусства, артист мирового класса.

Янису Осису исполнилось семьдесят лет. На торжественном вечере в Риге нашему дорогому другу вручили высшую награду страны — орден Ленина.

Увы, мне не довелось быть на этом вечере...

Но я включил театр моей памяти и вызвал на сцену могучую и изысканную фигуру актера.

И начался великолепный парад образов, единых в личности творца и бесконечно разнообразных по характеру, ритму и внешней выразительности.

Гримировальное зеркало Осиса заключено в широченную раму из простой фанеры. Но это не простая рама — она сплошь оклеена газетными и журнальными фото Яниса Осиса в ролях. По ним можно изучать не только биографию мастера, но и путь латышского демократического театра с его поисками в мировом и национальном репертуаре.

Театр, в котором долгие годы играет Янис Осис, основан еще в 1919 г. писателем Андреем Упитом под названием Рабочего театра Советской Латвии; в двадцатых годах им руководил поэт Я. Райнис. Это Государственный академический театр драмы Латвийской ССР.

Рассказать о том, что сделал для театра Латвии Янис Осис, значит описать полувековую историю этого театра.

Но я об Осисе...

Изумляюсь не силе таланта, не острой выразительности, не всепроникающей интеллектуальности актера, отличавшими его игру, а тому необыкновенному пониманию интонационального характера, который мне видится особенностью русской школы.

Мне вспоминается Лыняев в «Волках и овцах», очаровательный и добродушный россиянин, предупредительный к дамам, но выше всего ценящий свою холостяцкую свободу. В Лыняеве сильно и впечатляюще проявилась свойственная Осису сценическая органика, пластичность поведения, непосредственность перевоплощения в изображаемое лицо. И острее ощущение ритма, не ритма «вообще», а данного, конкретного, присущего только этому лицу. Лыняев — Осис — по-бабьи грузный, дремотный, почти лишенный рефлекс на «лирический» раздражитель. Постепенно обнаруживается в Лыняеве жизнь, это нарастающая и убыстряющаяся серия «подземных» толчков. Они вначале не способны

пробить кору (такую «залежную землю») лыняевщины, но уже пульсируют в искорке, вспыхнувшей в сонном взгляде, в «пробуждающей» пластике, в киноленте «видений», возникающих перед актером.

И вот, наконец, Лыняев всколыхнулся, возвратился к жизни. И дело не столько в ловкости Глафиры, в ее обольстительном лукавстве, в виртуозном владении «раздражителями». Глафира в интриге — все, в лыняевской теме она лишь повод. Где же причина? Причина — жизнь, ее вечно обновляющиеся силы, «живая вода» бытия. Могучая сила — жизнь,

богатство его внутреннего мира, в масштабах индивидуальности, наконец, в культуре речи, жеста, пластики, общения, в том, чтобы не быть ниже изображаемого персонажа.

Осису по плечу интеллект Забелина, его переживания и сомнения, мысли и желания. Поэтому в сцене у Иверской Забелина — Осис на сто голов выше всей этой базарной шумеры. Его гнев в адрес шептунов — это чувство честного и большого человека, хотя и выбравшего неправильную форму жизни, но не из мелкой обывательской злобы, а вследствие дезориентации, а главное, из-за

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ПАРАД ОБРАЗОВ

если она пробудила такого Лыняева! Если она вот так пробудила Лыняева, добавим мы, взглянув на Осиса, на то буйное ликование, радость жизни, которые пронизывают его в финале, справедливо заменяя трафаретно-лыняевскую кислую усмешку.

Но Осис не был бы Осисом, актером истинно сатирическим, острого ума, владеющим социальным скальпелем, если бы он не вскрыл глубинной сущности Лыняева. Жизнь омолодила Лыняева, но к чему? Оказывается, и эта «овца» обернулась «волком». Он уже по-хозяйски глядит на Глафиру, жизнь пробудила в нем собственника, он еще приберет к рукам эту волчицу, а не приберет, так будет поглядывать в лес, на других волчиц...

Но вот совершенно иной, ни в чем не схожий образ — образ человека огромной жизнедеятельности, интеллигента Забелина, выбитого из колеи могучим потоком непонятной ему революции.

Забелин — Осис не озлоблен, нет. Он, скорее, сердит, очень сердит на все и на всех, а больше всего на самого себя... Забелин не в состоянии охватить всего свершившегося, а ведь он счел, умен, это видно зрителю даже невооруженным глазом. Он не только умен, он талантлив. Этот человек вызывает желание привлечь его на свою сторону, к своей работе.

А ведь это очень важно для зрителя — чувство доверия к персонажу, ощущение его значительности, нужности, полезности. Иной актер весь спектакль убеждает нас в том, что его герой недюжинный человек. Но сколько он ни морщит лоб, ни прищуривает глаз, ни задумывается со значением, сколько ни характеризует себя (а окружающие его) как новатора, конструктора, создателя и открывателя, а сидящий в зрительном зале подлинный новатор, конструктор, создатель и открыватель не возьмет его в сотрудники, не доверит ему ни проекта, ни симфонию, ни полета на Луну.

В чем же дело? Видимо, дело в интеллектуальных данных актера, в

боязни, что его страсть к труду и созиданию окажется бесплодной в этом «мире разрушения».

Поэтому так зрима и волнующа его тоска в собственном доме, где он раскрывается только навстречу Маше, чудесно сыгранной Велтой Лине, такой же, как и Осис, актрисой «божьей милостью». Поэтому нет никаких сомнений, что именно этого человека, инженера Забелина, пригласит к себе В. И. Ленин, что именно этот человек, инженер Забелин, может быть обременен доверием Советской власти, нужен народу и будет ему полезен.

Никаких дешевых контрастов между заблуждавшимся и прозревшим Забелиным Осис не играет. Он возвращается домой таким же замкнутым, неразговорчивым и малообщительным человеком, каким был прежде. Но уже здесь чувствуется иной ритм жизни Забелина — Осиса. Четову дали перспективу, великая идея порождает в нем (и на наших глазах!) великую энергию, преобразующую мир во имя человека. Это сделали труд и власть, порожденная трудом.

Янис Осис — многосторонний и, можно сказать, разножанровый актер. Он одинаково силен и в драме, и в комедии. В его палитре — шекспировская живописность, а это не только яркость, выразительность, но и органическое свойство оттенять драматизм комедийным и доводить комическое до драматической напряженности. Но эпицентр притяжения его таланта в интеллектуальной энергии.

Особенно это проявилось в вершинном образе из его сценических созданий — в образе Карла Маркса. Осис играл в весьма посредственной пьесе, где образ великого человека

был лишь намечен пунктиром. Актеру предстояло совершить огромное усилие, чтобы уплотнить драматическую ткань, придать ей осязаемые формы. И Осис сделал это усилие.

Он ничего не иллюстрировал. В его Марксе не было ни хрестоматийного глянца, ни нарочитой упрощенности. При всем многообразии характера, в образе была не расчлененность, а монументальность, теперь я бы сказал, кербелевского толка. Однако из величия этого Маркса начисто исключался вождизм, его железная принципиальность и суровая непреклонность были насыщены той высокой лирикой, которая называется гражданственностью.

Можно вспомнить Осиса и в «Тартюфе», и в «Земле зеленой» Упита, в «Сыне рыбака» Лациса, и в горьковских «Последних»... Осис — Горюхины и Фамусов, председатель колхоза, «согласный еще пожить при социализме» Галушка и великолепный Фальстаф, незадачливый собственник крестьянин Пацеллис («К новому берегу») — великолепная галерея образов, одновременно глубоко психологических и ярко театральных.

Наконец, Цеплис! Цеплис Осиса (инсценировка романа Розитиса) — прекрасный образец заострения образа в искусстве.

Цеплис — буржуа. Этим сказано все и не сказано еще ничего, ибо общему понятию нужно найти образную конкретизацию, индивидуальную неповторимость. Цеплис — хищник. Это ближе к образному, но все же публицистично и общо. Осис находит художественный, театрально-образный эквивалент большого понятия «буржуа-хищник». Его Цеплис — воплощение «хватающего инстинкта» накопителя.

Цеплис Осиса не саморазоблачает: глядите, мол, какой я негодяй и тугодум, кровосос, живущий чужим трудом. Цеплис — полон неистощимой энергии и завидной трудоспособности, он работает не покладая рук, с бычьим упорством долбит он в одну точку, пока не пробивается к цели. И вот у него молодая красивая жена, чу-

жья фабрика, акционерные пай. В его руках компаньоны, соперники...

Уже трудно повернуть шею в крахмальном воротничке, ту же воротается разжиревшая мысль, но нюх острей! Завод Цеплиса вылил первый кирпич. На пышном приеме в салоне Цеплиса ему подбрасывают идею «довести» этот первый кирпич до патристического символа. Он не сразу оценивает возможность этой «идеи». Тупо уставившись в кирпич, Цеплис «мыслит». Но вот вспыхнуло нечто в его заплывшем мозгу: дошло! Ну, да, конечно, он создал отечественную промышленность. Это же отличная реклама! С горделивостью и торжеством первооткрывателя и спасителя отечества принимает Цеплис поздравления и восторги. Сколько сарказма в адрес цеплисов в сцене чествования «национального героя» ульманисовской Латвии. Сколько хорошей злости в другой сцене, когда выясняется, что «политический» кирпич никаку не годен, как негодна вся глина, «открытая» Цеплисом для производства кирпича, как не годится весь ульманисовский строй.

...Картину погони Цеплиса за мнимым любовником жены Осис проводит с таким шедрым озорством, что, не будь он Осис, вся сцена могла стать дешево комической. С револьвером в руке, с пенной на губах, расшвыривая все, что попадается на пути — столы, диваны, стулья, — мчит Цеплис за несчастным «любовником».

Это невероятно смешно! Но Осис буйствует здесь не для «того комизма». Он до предела заостряет хватательный инстинкт буржуа, его хищническую нетерпимость к конкурентам, где бы они ни встретились: на бирже, в конторе или в алькове.

Нет, он не смешон, он страшен, этот Цеплис.

Осис принадлежит к числу актеров, которые не боятся быть шедрыми, не боятся озорства, размаха, дерзости. Конечно, когда «держат» посредственность — это шукачество, когда же держат талант — торжествует искусство.

Источник искусства Яниса Осиса — народная стихия, столь же буйная и озорная, сколь мудрая и прекрасная. Что бы ни играл Осис — драму или комедию, положительный или отрицательный персонаж, он прибегает к методу заострения. Образ у него рождается заостренным из интенсивного стремления быть правдивым, значительным и заразительным. Актер выделяет динамику характера и, не выпуская из виду всей его сложности, укрупняет и заостряет ведущую черту для вскрытия образа в главном и изнутри.

Превосходный артист Янис Осис! Приятно и радостно жить в искусстве, когда в нем обитают такие актеры. Низкий поклон и большое спасибо вам за все, что вы сделали в искусстве, наш дорогой Янис Августович!

М. ЛЕВИН.